

И. С. Кузнецова

СИНЕРГЕТИКА И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Анализируются реалии современного российского общества с позиций синергетической концепции социального развития. Утверждается, что тип рациональности, формируемый синергетикой, может стать фундаментом практической деятельности в России XXI в., способствуя разрешению актуальных социально-экономических проблем.

This article analyses the features of the modern Russian society from the perspective of synergetic concept of social development. The author maintains that the type of rationality formed by synergetics can become the basis for practical activities in the 21st century Russia thus contributing to the solutions to acute socioeconomic problems.

Ключевые слова: рациональность, синергетика, мышление, практическая деятельность, постиндустриальное общество, социально-экономические кризисы.

Key words: rationality, synergetics, thinking, acting, post-industrial society, socioeconomic crises.

Начавшийся в 2008 г. экономический кризис, который в настоящее время считается некоторым образом преодоленным, заставил политиков, экономистов и философов задуматься о будущем человечества, о новой модели социально-экономического развития, способствующей — ни много ни мало — сохранению самого человечества. Для России поиск новой модели социально-экономического развития означает возможность ее существования в качестве великой державы. Причем следует отчетливо сознавать, что в другом статусе она как независимое государство исчезнет из мировой истории. Понимание этого определяет особый интерес к исследованию роли критического мышления в формировании рациональности мышления и практической деятельности в современном российском обществе.

В многочисленных учебниках вектор развития человечества связывают с концепцией постиндустриального общества, выдвинутой Д. Беллом в 1973 г. Как известно, он полагал, что этапом, следующим за индустриальным обществом, станет такое его состояние, когда на первый план выйдет производство не товаров, а услуг, когда не заводы и фабрики, не промышленные корпорации или научно-производственные объединения будут определять экономический уровень страны, а университеты — место производства знаний, инноваций. Весьма привлекательно звучало определение общества будущего как основанного на знаниях.

Эта концепция вполне соотносилась с настроениями в СССР 60-х гг. прошлого века, когда происходило бурное увлечение научной фантастикой, когда советские обществоведы с увлечением писали о слиянии города и деревни, о создании полностью автоматизированных производств, где человеку оставалось лишь нажимать кнопки. Иначе говоря, предполагалось, что научные знания составят базис развития общества.

И в настоящее время концепция постиндустриального общества, основанного на знании, рассматривается в многочисленных научных трудах, исследующих самые разные общественные процессы. Поскольку критическое мышление не должно иметь запретных сфер исследования, попробуем рассмотреть концепцию Д. Белла с учетом почти сорокалетнего ее существования. Насколько точно было предсказано будущее, ставшее настоящим, а в некотором смысле уже и прошлым? Какие последствия для практической деятельности имело понимание общественного развития в русле данной концепции? Какие выводы проистекают из сложившегося положения для формирования рациональности мышления и практической деятельности в современном российском обществе?

Прежде всего, отметим, что рассуждения Д. Белла построены в русле западноевропейской философской традиции. Как известно, еще Р. Бэкон провозгласил, что «знание — сила». Ф. Бэкон не просто повторил это утверждение, но наполнил его столь великой силой, что, подчиняясь данному императиву, король Карл II, который был далек от проблем, связанных с развитием страны, принял все же разумное решение — подписал указ о создании Лондонского королевского общества, т.е. английской академии наук. К. Маркс, продолжая эту линию, весьма основательно развил мысль о том, что знание, наука станут производительной силой. Именно с марксистских позиций советские философы также рассматривали будущее как основанное на научных достижениях. Стоит сказать, что данный подход опирается еще на одну традицию — идею прогрессивного развития, постоянно восходящего движения.

Вполне в духе марксизма Д. Белл полагал основным содержанием индустриального общества труд и капитал и, соответственно, противоречие между ними считал источником развития, движущей силой. Тогда технологии выступают в качестве инструментов, способов рациональных действий. В основе общества оказывается технологическая рациональность, пронизывающая все его сферы — управление производством, управление вооруженными силами, управление образованием, культурой и т.д. Причем, как отмечал еще Дж. Гэлбрейт, независимо от политического устройства в странах, находящихся на стадии индустриального общества, действуют одни и те же закономерности, присутствует один тип рациональности [1, с. 17–24].

Прогресс технологий, прежде всего производственных, по мысли Д. Белла, некоторым образом снимает противоречия индустриального общества, где приоритетное положение займут не производственные технологии, а интеллектуальные, которые станут источником богатства общества и власти интеллектуалов.

Итак, насколько точно данная концепция предсказала движение общества? Начнем рассмотрение этого вопроса не с обсуждения положения дел в России, а обратимся к экономической истории Соединенных Штатов Америки последних десятилетий, поскольку предполагается, что именно США как гегемон общественного развития демонстрируют переход к постиндустриальному обществу.

Прежде всего, задумаемся, насколько оказался реализован тезис об обществе, базирующемся на знании. На первый взгляд компьютеры, которые есть практически у каждого, мобильные телефоны, которыми пользуются все, от мала до велика, стали самыми яркими показателями технического прогресса. Однако персональный компьютер, самое впечатляющее изобретение нашего времени, без которого молодые люди не мыслят свою жизнь, был создан в 1969 г. Джобсом и Возняком. В тот же год появился АРПАнет — первый вариант Интернета. Все остальное — модификации, усовершенствования. В начале 1970-х гг. были сделаны первые мобильные телефоны. А спутники связи начали запускать в 1960-е гг., причем первыми стали советские спутники связи. Другими словами, главные открытия были сделаны в индустриальную эпоху.

Более того, некоторые естественные науки свои высшие достижения обрели в первой половине XX в. Например, органическая химия — в начале XX в., к середине же века в химии были сделаны открытия, масштаб которых в этой науке до сих пор не превзойден. В физике после создания квантовой теории не было столь мощных научных прорывов, и все разработки, все сооружения, вроде Большого андронного коллайдера, идут из 60–70-х гг. XX в.

Д. Хюбнер, американский физик, тщательно рассмотрев динамику крупных инноваций и научных достижений в сравнении с численностью населения планеты, утверждает, что в настоящее время темп инноваций опустился до уровня 1600 г. «Мы приближаемся к точке Средних веков, при которой уровень инноваций такой же, как и в Средние века. Мы достигнем ее в 2024 году», — указывает Д. Хюбнер [5, с. 561].

По-видимому, есть повод задуматься о том, почему развитие науки стало тормозиться.

В то же время из идеи — одной из основных в концепции постиндустриального общества — о том, что развитие человечества вступает в сервисную фазу, т.е. о том, что основу жизнедеятельности общества должны оставлять услуги, были сделаны практические выводы. Из США производство вывели в страны третьего мира, где дешевая рабочая сила и удобное законодательство, а появление свободных экономических зон в Китае сделало привлекательным размещение иностранного промышленного производства в этих зонах. С одной стороны, выведение промышленности должно было существенно оздоровить экологическую обстановку, но с другой — прекратилась разработка ресурсосберегающих и природозащитных технологий, поскольку забота о сохранении окружающей среды теперь легла на страны, куда вывели производство. Прекращение исследований в сфере технологий, призванных обеспечить защиту и восстановление природы, имеет тяжелые последствия, которые все более осознаются мировым сообществом.

Еще одним следствием вывода производства за пределы Америки стал тот факт, что в ВВП США только 11 % обеспечивается реальным сектором экономики, а остальное — это ценные бумаги, своего рода «виртуальная реальность», призванная восполнить налоговую базу для поддержки социальных программ. Услуги, о которых с таким пиететом писали сторонники теории постиндустриального общества, на самом деле — финансовые услуги, составляющие более чем две трети от общего объема услуг. Именно эти «мыльные пузыри», «фантики», как писали в разгар кризиса многие экономисты, и привели к обрушению финансового рынка, к экономическому кризису, начавшемуся в 2008 г.

Если нет производства, то не нужны и инженерные кадры, а если нет тысяч инженеров, то не появятся десятки изобретателей, новаторов. В таком случае идея общества, построенного на знаниях, начинает выглядеть как насмешка, ибо без потребности в подготовке высококлассных специалистов естественно-научного и технического профиля начинается деградировать преподавание естественных наук и математики как в высшей, так и в средней школе.

Напротив, в Азии, в Китае, куда сдвинулись мировые производительные силы, потребность в развитии промышленного производства стала основой научно-технического прогресса и положительных сдвигов в образовании, соответственно, улучшилось и финансовое положение азиатских стран. Китай превратился в крупнейшего кредитора США. Китайские вузы становятся все более привлекательными для европейских и американских студентов, а сейчас и молодые люди из России потянулись в КНР.

И наконец, девальвация знания в эпоху, провозглашенную становлением общества, основанного на знании, в США привела к тому, что сложная техническая и технологическая инфраструктура разрушается в прямом смысле на глазах у нынешнего поколения. Так, 9 февраля 2011 г. в городке Аллентаун, штат Пенсильвания, произошел сильный взрыв: взорвался газопровод, который был введен в эксплуатацию в 1928 г. Это событие получило исключительно большой резонанс, вызвав возмущение всех слоев общества, поскольку это был далеко не первый взрыв газопровода, протяженность которого в стране составляет более четырех миллионов километров [6].

Американская ассоциация гражданских инженеров периодически представляет общественности отчет о состоянии инфраструктуры США. Этот отчет строится на тщательном исследовании состояния мостов, дамб, водопроводов, газопроводов и т.д. Исследовательские центры ряда американских университетов подтверждают выводы, сделанные специалистами Ассоциации, и добавляют результаты своих исследований, свидетельствующие о катастрофическом положении, в котором находится инфраструктура страны, оставшаяся от эпохи индустриализации [6].

В общем-то, не нужны террористы, чтобы происходили аварии, катастрофы с многочисленными человеческими жертвами. Разумеется, не следует все тенденции развития современного общества «сваливать» на концепцию постиндустриального общества. Но вполне можно утверж-

дать, что предсказания, которые давала данная концепция, и реальное положение дел не совпали: сервисное общество не базируется на знании, а все больше отходит от поиска истины, от научного объяснения действительности. По-видимому, концепцию постиндустриального общества следует отнести скорее к инструментальным теориям в смысле Д. Гэлбрейта [2, с. 31 – 33].

Что касается положения дел в России, то на многочисленных форумах продолжают обсуждаться вопросы, касающиеся модели постиндустриального общества в России. При этом обращается внимание на социальное поведение, утверждается, что люди все больше будут надеяться на личные усилия, станут более предприимчивыми. Возникнет общество бизнесменов, в котором частные деньги будут важнее государственных. Однако такой крупный экономист, как О.С. Сухарев, справедливо указывает, что для России «индустриальная эпоха, если и закончилась, то не по причине перехода в иную, следующую по развитости производительных сил эпоху, а по причине абсолютной утраты индустриальной мощи, примитивизации производства, причем этот процесс не прекращался и в годы экономического роста» [4, с. 8].

И тогда еще острее становится проблема формирования рациональности мышления и практической деятельности в современном российском обществе, ибо следовать по пути, уже пройденному США, — явное самоубийство для российского общества. Значит, надо обратиться к тем научным теориям, которые составляют несомненное достижение человечества.

На мой взгляд, появление синергетики ознаменовало новый тип рациональности. Это относится не только к естествознанию, но и к применению идей синергетики к объяснению механизмов социального развития. Как показал В. П. Бранский, «традиционная теория (диалектическая концепция Г. Гегеля и К. Маркса) рассматривала развитие как процесс перехода от одного порядка к другому. Хаос при этом или вообще не учитывался, или рассматривался как некий побочный и потому несущественный продукт закономерного перехода от порядка одного типа к порядку другого (обычно более сложного типа). Для синергетики же характерно представление о хаосе как о таком же закономерном этапе развития, что и порядок» [4, с. 13]. Поэтому синергетика рассматривает внутреннее взаимодействие элементов социальной системы как единство и борьбу порядка и хаоса, как многократное чередование порядка и хаоса (так называемый детерминированный хаос) [3, с. 14].

Рассмотрение истории человечества с синергетической точки зрения приводит к выводу о том, что социальная самоорганизация выступает как чередование двух процессов — иерархизации и деиерархизации. Первый означает объединение диссипативных структур в диссипативные структуры более высокого порядка. Деиерархизация — обратный процесс [3, с. 16]. При этом спектр направлений, в которых может протекать тот или иной процесс, определяется сущностью эволюционирующей социальной системы и характером внешней среды. Это означает, что важнейшую роль здесь играет бифуркация — разветвление старого качества, наличного состояния социальной системы на ко-

нечное множество возможных новых состояний общества. Иначе говоря, имеет место нелинейность, которая придает развитию общества неоднозначный характер.

Впрочем, если говорить о развитии человечества в целом, то этот вероятностный характер уяснил еще К. Маркс, полагавший, что от первобытной общественно-экономической формации возможен переход к рабовладельческой общественно-экономической формации (античное общество), к азиатскому способу производства (страны Востока), к феодальной общественно-экономической формации (Древняя Русь).

Итак, по всем показателям российское общество находится в точке бифуркации, и движение по одному из возможных направлений осуществит социальный отбор. Он включает в себя три фактора — тезаурус, детектор и селектор. Тезаурус — это конечное множество возможных диссипативных структур, возникающих в существующей структуре как результат соответствующей бифуркации. Иными словами, это возможные направления развития. Для современной России они могут быть следующими.

1. Сохранение существующей тенденции на «доедание» созданного в индустриальную эпоху промышленного сектора страны, на углубление пропасти между сверхбогатыми и остальным ее населением. При этом уменьшается и количество сверхбогатых, что свидетельствует о приближающемся конце запасов, оставшихся от прошлого состояния системы. Собственно разрушение инфраструктуры, что отражается на работе предприятий, а значит и их прибыльности, в значительной мере определяет скорость движения к завершению данного процесса «доедания» (сценарий, который ряд политиков позиционирует как консервативный).

2. Движение к автаркии, т. е. построение такого хозяйственного уклада, который позволяет России полнокровно существовать независимо от ввоза и вывоза иностранных товаров (сценарий Института русской цивилизации).

3. Движение к *Великой цели*, когда общество в целом и каждая личность живут и работают для достижения этой цели. Тогда не будет лишних людей, поскольку у всех есть *Дело* (М. Делягин с идеей освоения Космоса как цели).

4. Движение к «многоэтажному человечеству» — к состоянию, подобному описанному О. Хаксли в его «Прекрасном новом мире». Это общество, в котором на основе биотехнологий конструируются люди, обладающие сверхспособностями и обслуживающие их низшие касты (Ф. Фукуяма).

5. Российский когнитивный проект (С. Переслегин).

Можно и другие варианты найти, но сформулированные наиболее часто обсуждаются исследователями.

Помимо тезауруса для социального отбора требуется детектор. Роль детектора играет противоречивое единство конкуренции (соперничества) и кооперации (сотрудничества) [3, с. 19]. Именно детектор осуществляет выбор соответствующей структуры, переводя ее из возможно-

сти в действительность. Третий же фактор социальной самоорганизации — селектор — определяет отношение внутренних взаимодействий в системе к характеру окружающей среды.

Если рассматривать внешнюю среду, то первая из указанных возможностей вполне соотносится с тенденцией внешней среды, точнее со стремлением США продолжить прежний курс на мировую гегемонию. При этом если доллар не обеспечен золотом, то он вполне обеспечен военной силой. Несмотря на все кризисные явления программы вооружений в США не сокращаются, причем ставка делается не на ядерные силы, а на новые виды, так что все договоры с Россией по СНВ-3 не имеют для них особого значения.

Движение к автаркии тоже имеет варианты во внешней среде, причем с опорой на идеи, связанные с развитием нанотехнологий, формируется представление о том, что станет возможным создание ассемблера-сборщика, который будет из атомов собирать все нужные вещи на фабрике весьма ограниченного объема. В целом технологии будут таковы, что все необходимое можно будет производить в одном месте, в одном регионе, и надобность в международной торговле исчезнет. Вот и автаркия, которую описывают как «окукливание» народов в отдельных регионах в соответствии со своими культурными традициями.

Во всяком случае, синергическая концепция социального развития дает надежду на то, что Россия имеет немалые возможности для перехода в принципиально новое состояние, позволяющее занять одно из центральных мест в современном мире.

Во-первых, хаос, наступивший в экономической жизни, в технологической сфере и являющийся закономерным этапом развития, взаимодействует с порядком, относящимся к интеллектуальной сфере, к сфере сохраняющихся фундаментальных знаний, а также к сфере эмоционального и интуитивного стремления к идеалам, которые были сформированы развитием отечественной культуры, философией русского космизма. Система идеалов тоже проходит через этап детерминированного хаоса, что важно для самоорганизации системы.

Кроме того, следует иметь в виду, что самоорганизация общества включает и систему управления, которая тем успешнее, чем она в большей степени опирается на систему культурных ценностей, свойственных народу. Именно в системе управления может быть осуществлена аналитика, которая станет той «мышкой», что вытащит всю «репку», т. е. из наличного тезауруса при объективно действующих детекторах и селекторах позволит сделать выбор, добавив необходимую долю субъективности.

Таким образом, тип рациональности, формируемый синергетикой, может стать фундаментом практической деятельности в современном российском обществе.

Список литературы

1. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество. М., 2004.
2. Гэлбрейт Д. Экономические теории и цели общества. М., 1979.

3. *Синергетическая философия истории* / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. СПб., 2009.
4. *Сухарев О.С. Управление экономикой. Введение в теорию кризисов и роста.* М., 2012.
5. *Черняк В. З. История и философия техники.* М., 2012.
6. *Тополь Э. Инфраструктура США // Американский журнал на русском языке.* 2011. №5 (184).

Об авторе

Ирина Сергеевна Кузнецова – д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: i_s_k@inbox.ru

About author

Prof. Irina Kuznetsova, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: i_s_k@inbox.ru